

и совершивъ такое дѣло, не мучались раскаяніями и сомнѣніями, а спокойно, засѣлки людей, возвращались въ семью и ласкали дѣтей, — шутили, смѣялись и предавались тихимъ семейнымъ удовольствіямъ. Тогда и людямъ, пользовавшимся этими наслѣдями, и помѣщикамъ и богачамъ, и въ голову не приходило, чтобы тѣ выгоды, которыми они пользуются, имѣли бы прямую связь съ этими жестокостями. Но теперь уже не то: люди знаютъ уже или близки къ тому, чтобы знать, что они дѣлаютъ, и для чего дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Они могутъ закрывать глаза, заставлять бездѣйствовать свою совѣсть, но съ незакрытыми глазами и незаглушенной совѣстью они не могутъ уже — какъ тѣ, которые совершаютъ ихъ, такъ и тѣ, которые ими пользуются, — не видѣть того значенія, которое имѣютъ эти дѣла. Бываетъ, что люди понимаютъ значеніе того, что они сдѣлали, только уже послѣ совершения дѣла; бываетъ и то, что они понимаютъ это передъ самымъ совершеніемъ его. Такъ люди, распоряжавшіеся истязаніями въ Нижнемъ Новгородѣ, Саратовѣ, Орлѣ, Юзовскомъ заводѣ, поняли значеніе того, что они сдѣлали, только послѣ совершения дѣла и теперь мучаются стыдомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ своею совѣстью. Мучаются и распорядители, и исполнители. Я говорилъ съ солдатами, исполнившими такія дѣла, и они всегда старательно отклоняли разговоръ объ этомъ; когда же говорили, то говорили съ недоумѣніемъ и ужасомъ. Бываютъ же случаи, когда люди опомнаются передъ самымъ совершеніемъ дѣла. Такъ я знаю случаи съ фельдфебелемъ, во время усмиренія избитыми двумя мужиками и подавшимъ объ этомъ рапортъ; но на другой день, какъ онъ увидалъ истязанія, совершенныя надъ другими крестьянами, упривисшимъ ротнаго командира разорвать рапортъ и отпустить побившихъ его мужиковъ. Знаю случаи, когда солдаты, назначенные расстрѣливать, отказывались повиноваться, и знаю много случаевъ, когда начальствующие отказывались распоряжаться истязаніями и убійствами. Такъ что люди, угрожающе насилія и совершающіе ихъ, иногда опминаются много прежде совершения внуженнаго имъ дѣла, иногда же передъ самымъ совершеніемъ его, иногда и послѣ его.

Люди, идущіе въ этомъ поѣздѣ, выѣхали для истязанія и убійства своихъ братьевъ, но никто не знаетъ того, сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ они то, для чего они ѣдутъ. Какъ ни скрыта для каждаго его отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, какъ ни сильно во всѣхъ этихъ людяхъ внушеніе того, что они не люди, а губернаторы, исправники, офицеры, солдаты, и что, какъ такія существа, они могутъ нарушать свои чело-

вѣскія обязанности, чѣмъ ближе они будутъ подвигаться къ мѣсту своего назначенія, тѣмъ сильнѣе въ нихъ будетъ подниматься сомнѣніе о томъ: нужно ли сдѣлать то дѣло, на которое они ѣдутъ, и сомнѣніе это дойдетъ до высшей степени, когда они подойдутъ къ самому моменту исполненія.

Не можетъ губернаторъ, не смотря на весь дурманъ окружающей обстановки, не задуматься въ ту минуту, когда ему придется отдавать послѣднее рѣшительное приказаніе объ убійствѣ или истязаніи. Онъ знаетъ, что дѣло Орловскаго губернатора вызвало негодованіе лучшихъ людей общества, и самъ онъ уже подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія тѣхъ круговъ, въ которыхъ онъ находится, не разъ выражалъ неодобреніе ему; онъ знаетъ, что прокуроръ, который долженъ былъ ѣхать, прямо отказался отъ участія въ дѣлѣ, потому что считаетъ это дѣло постыднымъ; знаетъ и то, что въ правительствѣ нынче-завтра могутъ произойти перемѣны, вслѣдствіе которыхъ то, чѣмъ выслуживались вчера, можетъ завтра сдѣлаться причиной немилости; знаетъ, что есть пресса, если не русская, то заграничная, которая можетъ описать это дѣло и навѣки осрамить его. Онъ уже чувствуетъ то новое общественное мнѣніе, которое отиѣняетъ то, что требовало прежде. Кромѣ того, онъ не можетъ быть вполне увѣренъ въ томъ, послушаются ли его въ послѣднюю минуту исполнители. Онъ колеблется и нельзя предугадать, что онъ сдѣлаетъ.

То же въ большей или меньшей мѣрѣ испытываютъ всѣ чиновники и офицеры, идущіе съ нимъ. Всѣ они знаютъ въ глубинѣ души, что дѣло, которое дѣлается, — постыдно, что участіе въ немъ роняетъ и мараетъ челоѣка передъ нѣкоторыми людьми, мнѣніемъ которыхъ они уже дорожатъ. Они знаютъ, что придти къ неѣствѣ или женщинѣ, передъ которой кокетничаешь, послѣ убійства или истязанія беззащитныхъ людей — стыдно. И кромѣ того, они такъ же, какъ и губернаторы, сомнѣваются въ томъ, навѣрное ли послушаются ихъ солдаты. И какъ ни непохоже это на тотъ увѣренный видъ, съ которымъ теперь всѣ эти начальствующие люди движутся по станціи и платформѣ, всѣ они въ глубинѣ души не только страдаютъ, но и колеблется. Даже затѣмъ и напускаютъ они на себя этотъ самоуѣренный тонъ, чтобы скрыть внутреннее колебаніе. И чувство это увеличивается по мѣрѣ приближенія ихъ къ мѣсту дѣйствія.

И какъ ни незамѣтно это, и какъ ни странно сказать это, въ такомъ же положеніи находится и вся эта масса молодыхъ ребятъ, солдатъ, кажущихся столь покорными.

Всѣ они уже не такіе солдаты, какіе